

Пресмыкательство нынешних российских лидеров перед Западом видно всем невооруженным взглядом. Есть две причины подобного поведения. Одна из них на поверхности - лидеры не верят в возможности России выкарабкаться из того хаоса, в который они сами и загнали страну. Вторая причина менее видимая, но обнаруживается при ответе на простой вопрос: кому выгодно коленопреклонное положение России перед Западом? Естественно, тем, кто от этого что-то имеет. А "имеют" от этого все те, кто тесно связал свое личное благополучие служению интересам Запада в ущерб интересам России и 70–80% россиян, т.е. тех, которые живут за чертой бедности (30–35%) и сверхбедности (около 40–45%) (из официальной статистики Роскомстата).

Пресмыкатели делятся на ряд категорий, среди которых можно выделить следующие: а) верхушка монополистической буржуазии (крупные банкиры, представители газонефтяных монополий, уже сросшихся с западными монополиями, плюс ВПК), б) классическая компрадорская буржуазия (в основном торговцы сырьем и минеральных ресурсов страны), в) правящая бюрократия, г) лидеры партий прозападной ориентации, называющих себя демократами, д) и, на первый взгляд, незаметный, но крайне влиятельный в идеологическом плане слой - политико-академический комплекс.

Звучит все это по-марксистски, но извините, господа демократы: вы воспроизвели, по крайней мере, по форме структуру правящей элиты монополистического капитализма начала века, хотя по характеру взаимоотношений между всеми элитарными структурами нынешнее общество более напоминает период классического накопления капитала с присущим ему бандитизмом. Но не об этом речь.

Хочу остановиться на политико-академическом комплексе, поскольку это звено в нынешней структуре власти не очень бросается в глаза широкой публике. Его же значение было решающим в откате от социализма во времена Горбачева и в окончательном развале в период Ельцина.

В принципе этот комплекс существовал и до перестройки. В Советском Союзе было множество всяческих институтов, однако на процесс формирования внешней политики влияли всего несколько московских институтов, среди которых необходимо выделить Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт США и Канады (ИСКАН), Институт Дальнего Востока (ИДВ), Институт Востоковедения (ИВ), Институт Латинской Америки (ИЛА), Институт Африки. ИМЭМО и ИСКАН доминировали на стратегических направлениях, остальные - на региональных, причем среди них более важными были ИВ и ИДВ (на китайском направлении). Но повторяю, ИМЭМО и ИСКАН были ключевыми институтами, директора которых являлись

советниками генерального секретаря, членами ЦК до 1985 г., а затем, при Горбачеве и членами или кандидатами в члены Политбюро. Их имена все знают – А.Н. Яковлев, Г. Арбатов, Е.М. Примаков.

Но дело не только в директорах. Руководители подразделений этих элитарных институтов все без исключения были связаны как по работе (так, между прочим, и через родственные связи) с внешнеполитическими ведомствами Союза как-то: ЦК КПСС, МИД, Министерство обороны и т.д. Такого типа взаимопереплетенная связь и рождает явление, называемое политико-академическим комплексом, стоящим на страже интересов страны обитания.

Однако у нашего комплекса была своя специфика. Хотя он начал формироваться со второй половины 60-х годов, его расцвет пришелся на период разрядки, в ходе которой выделился слой “разрядчиков”, тесно связанных “по работе” с “разрядчиками” западной стороны. Бесконечные визиты “туда” позволяли этому слою более трезво оценивать реальную картину развития двух систем, которая не вызывала ощущения преимуществ социализма. У них, естественно, выработалось убеждение в превосходстве капитализма над социализмом, которое они, опять же естественно, не торопились излагать в открытой печати, и более того, даже доверять своим шефам из ЦК. Тем не менее, элементы робкого реализма все-таки стали появляться в полузакрытой литературе (так наз. ДСП) и даже на страницах некоторых научных журналов. Повторяю, это были всего элементы. Но речь не об этом, а о другом.

Во-первых, частые визиты за рубеж “во имя разрядки” превратила “разрядчиков” в одну из процветающих страт советского общества, уровень жизни которых по сути не уступал уровню жизни их коллег “за бугром”.

Во-вторых, зная макроэкономическую сторону западной экономики, но совершенно не разбираясь в реальностях жизни средних и низших слоев населения (они просто с ними там не сталкивались), в головах “разрядчиков” сложилось убеждение о качественном преимуществе капиталистического общества над социалистическим.

В-третьих, эти представления укреплялись (теперь начинаю думать, что сознательно) царскими приемами, размещениями в шикарных отелях, немалыми гонорарами за доклады на конференциях или публикации в журналах, или даже за издания книг. Из всего этого вытекает во-первых. Короче, классический подкуп, который “разрядчиками”, предполагаю, не осознавался.

Но тогдашняя прозападная позиция еще не вела к антисоветизму, поскольку в то время она рассматривалась как проявление реализма, тем более, что разрядчики-коммунисты (а они все поголовно были коммунистами) ухитрялись отстаивать интересы одновременно и социализма, и капитализма. Что было в принципе просто, так как во имя “сохранения мировой цивилизации”.

Пик влияния политико-академического комплекса пришелся на правление Горбачева. Исключительную роль в политической жизни страны в это время играл - А. Яковлев, бывший директор ИМЭМО, а до этого посол в Канаде. Под его влиянием были сформулированы многие идеи перестройки (в то время еще под флагом социализма), главные из которых воплотились в концепции нового политического мышления. Естественно, не он один был автором этой концепции, к ней приложили руку и Г. Арбатов, и Е. Примаков, и, наверное, Ф. Бурлацкий, и Е. Бовин и ряд других сановников разбираемого комплекса. Эта концепция “прокатывалась” не раз и не два в упомянутых институтах. В результате она стала действующей доктриной поведения СССР на международной арене.

Опасность этой доктрины в то время никто или почти никто не почувствовал, поскольку ее главным постулатом была идея о невозможности победить в ядерную эпоху, с чем нельзя не согласиться. Подвох ее коренился в двух других постулатах: в деидеологизации внешней политики и в служении этой политики общечеловеческим (универсальным) ценностям. Звучало свежо и для того времени необычно. На практике это обернулось отказом от социалистических ценностей и от интересов СССР как социалистического государства на первых порах, а затем в принципе от национальных интересов Советского Союза, реализация которых могла, дескать, ущемить общечеловеческие ценности.

Уже тогда мне показался такой подход дикостью, и я пытался опубликовать в журнале МЭМО саркастическую статью под названием “Ребята, давайте жить дружно”. В ней я пытался на примере США показать абсурдность деидеологизированной внешней политики. Таковой просто не существует. У меня есть сборник внешнеполитических документов США со специальным разделом, посвященным “национальным интересам”. Все президенты США и госсекретари говорят о защите только национальных интересов США и американских ценностях, а не о каких-то общечеловеческих ценностях, которые если и упоминают, то только как синоним тех же американских ценностей. В то время, как меня информировали, по инициативе Примакова было организовано обсуждение моей статьи главными разрядчиками Института, которые не рекомендовали ее для публикации, что вполне естественно для

этой категории людей. Тогда они служили Горбачеву, который носился с новым политическим мышлением по всему свету, вызывая бурный восторг у Запада.

В результате горбачевской внешней политики СССР потерял все свои международные позиции, биполярная структура рухнула, подмяв под себя Восточную Европу, и спровоцировав распад СССР. Не случайно Запад до сих пор не устает боготворить Горби, улаживая его бесконечными гонорами за любые банальности, которые он без устали может молотить на всех перекрестках мира.

После прихода к власти Ельцина старых разрядчиков поотодвинули в сторону, а на смену придвинули поколение помоложе, которое, тем не менее, успело вкушать плоды безбедной жизни от “сотрудничества” с Западом и Востоком, особенно с Японией. Это уже никакие не разрядчики “во имя интересов социализма”, а типичные слуги “развитого капитализма” во имя интересов еще недоразвитого капитализма в России. Их вы можете встретить в МИДе, в правительстве, в парламенте (и как депутатов, и как советников). И немало среди них все из тех же институтов, все из тех же ИМЭМО и ИСКАН. (Ба, знакомые все лица). Не хочу обижать другие институты, из других то же есть, но все-таки меньше. Интересы России, не говоря уже об интересах россиян, эту генерацию (может, правильнее дегенерацию?) вообще не интересуется, поскольку основные приработки они получали и получают совсем по другому поводу и от других источников.

Конечно, не надо упрощать. Взятки напрямую западные их попечители, может быть, и дают, но за руку я никого не ловил и утверждать не берусь. Запад и Восток (Япония) делают все проще. Механику объясняю на собственном опыте, поскольку я был точно таким же, как и те, о которых пишу (хотя рангом значительно ниже). Как бывший японоведа в качестве примера беру проблему “северных территорий”, по которой до сих пор время от времени вспыхивает волна дискуссий на страницах российской печати.

Когда-то вслед за нашими политиками все японоведы дружно в открытой печати писали о том, что “территориальной проблемы” между Японией и СССР не существует. По мере развития гласности мы потихонечку начали поговаривать, что вообще-то “проблема” есть, но решать ее надо, так сказать, на взаимоприемлемой основе (тогда нам казалось такой основой может быть Декларация 1956 г.). Когда же мы совсем одемократились (это уже после 1991 г.), мы уже стали чуть ли не требовать “возврата” этих территорий Японии без всяких “но”. Особенно буйствовал я сам. Находясь уже во Владивостоке на посту директора одного из маленьких институтов, я в печати, по местному телевидению и радио призывал к передаче

этих самых “северных территорий” Японии. Другие японоведы-”возвращенцы” были более сдержанны (одному из них не позволял пост в МИДе быть предельно откровенным), но по сути писали и говорили то же самое. В то время на нас, особенно на мидовца, набросился Валентин Федоров, тогда – губернатор Сахалина. В то время я его абсолютно не понимал: как же так, мы, т.е. СССР действительно оккупировал земли, которые России никогда не принадлежали (я имею в виду Южные Курилы). Ну и что, – говорил Федоров, – тогда все так поступали. Захватили, так захватили, мало ли кто-что захватывал в истории. Теперь другое время. Территории наши и точка. Приблизительно в таком ключе писал и говорил Федоров. Только теперь, после внимательного изучения истории США, понимаю, что в его словах был заложен большой смысл. Почему-то ни одному американцу не взбредает в голову ради общечеловеческих ценностей и прочей справедливости возвращать территории, в свое время силой захваченных США, например, у Мексики.

В этой связи возникает интересный вопрос: чего это я так сильно стал петься об интересах Японии, вместо того, чтобы думать об интересах России. Тогда я не задавал себе этих вопросов, задал только здесь, когда стал наблюдать за российской политикой и поведением российских политиков и ученых. Ответ оказался проще пареной репы.

В 1986 г. у меня была опубликована довольно большая монография о Японии, которая почти не повлияла на мои взаимоотношения с японскими коллегами. После публикации критической статьи о советской японистике в журнале Проблемы Дальнего Востока, мои отношения с японскими коллегами как-то незаметно начали теплеть, и более того, один из японских ученых-сторонник жесткой линии в отношении Советского Союза по “северным территориям” даже помог опубликовать одну из моих статей в японском журнале. По мере углубления прояпонской позиции по этим вопросам я все чаще и чаще стали получать приглашения на всяческие конференции в Японии, где за мои доклады платили от 500 до 1500 ам. долларов. Находясь в Японии в четырехмесячной командировке (приглашение было крайне неожиданным для меня), я продолжал и там гнуть ту же антироссийскую линию по данной проблеме в японской печати. За что не был обойден иеновым вниманием.

Самое поразительное, что свои деннакопления я никак не связывал с тем, о чем я писал и что говорил. Только здесь, в Канаде, после того, как я стал предлагать в различные журналы и газеты, в том числе и в Японии (там, где я уже публиковался) уже более взвешенные статьи о реальностях русской политики и интересах России, которые никто не хотел публиковать, меня осенило: я же теперь говорю не то, что им

надо. Зачем же платить? В качестве эксперимента, написал статью, какую, я предполагал, они ожидают. Прошло. И все стало совершенно понятно.

Запад, в том числе и Япония, просто так никому денег не дает. Думать иначе - значит быть идиотом. Они четко стоят на страже собственных интересов и платят только тем, кто служит этим интересам. Причем не только через гонорары за публикации и выступления на конференциях. Формы подкупа крайне разнообразны. Это и приглашения на стажировку, и даже для чтения лекций в университетах. Это и участие в совместных монографиях (гонорар + поездки “на халяву” туда-сюда для утряски монографии). Так подкупаются представители политико-академического комплекса, особенно те, кто у власти или близок к власти. “На выходе”, например, предостережение представителей этого комплекса против союза с КНР и более тесное сплочение с Японией, мифы о “цивилизаторской миссии” США в мире и возможной “разрушительной” роли Китая или России, в случае прихода к власти коммунистов или националистов, и масса других вещей в пользу Запада.

Подкупается не только научная элита, подкупаются и практические политики. Как это делается станет понятным по небольшому отрывку из моих записок об одной из поездок в Японию.

“...Наконец, 19 декабря (1991 г.) мы вышли на берег в Майдзуру. Ни я, ни мэр Владивостока не очень-то понимали суть поездки, и были очень удивлены, что нас в Майдзуру встречали на уровне губернатора и мэра. Затем нас посадили на такси, который довез нас до вокзала, откуда мы доехали до Киото, а затем на “Хикари” (скоростной поезд) до Токио, где нас поместили в пятизвездочной гостинице. Все передвижения по японской земле были безупречно спланированы и производили впечатление единого дыхания. Вечером заместитель директора Японского экономического института, господин М., дал ужин в нашу честь. До этого нам не забыли дать на карманные расходы по 50 тысяч иен.

На следующий день нам показали институт, а затем привели в зал, где сидело человек 20 бизнесменов, перед которыми мы должны были прочитать лекции (они уже давно были в головах). Вопросов почти не было. Вечером нас угощал ужином в европейском ресторане президент строительной компании Н.-сан.

Следующий день – серия посещений различных компаний, в том числе Мицуи бусан; обед, ужин и довольно много подарков.

Только когда после Токио мы прилетели в Хакодате, где нас принимало все начальство этого города, я понял, что они ждали несколько иную делегацию, то есть губернатора Приморского края и мэра Владивостока. Именно на этот уровень и были рассчитаны встречи, гостиницы, обеды-ужины и подарки. И хотя вместо губернатора приехал я, менять им все уже было поздно (для японцев любые перемены практически невозможны, если они уже запланированы и отрегулированы заранее). Так я случайно вкусил и глубину дружбы на официально-высоком уровне. Тогда я подумал, что губернатором быть даже лучше, чем директором.

Вечером в Хакодате в нашу честь устроили “ужин с общественностью” в 200 человек, а затем баньку-сауну с избранными.

На следующий день мы переехали в город Толя, где нас поместили в шикарную гостиницу, лучше которой я пока не встречал. Визит - обед - ужин - баня.

25 декабря. Саппоро. Визиты – обед – гостиница – бразильская танцевальная труппа – ужин с танцовщицами – баня (без них).

26 декабря. Завтрак с хозяином отеля – визит на завод по переработке мусора – обед – встреча с начальственными лицами Хоккайдо – встреча с представителями общества японо-советской дружбы – маленький банкетик – баня.

27 декабря прилетели в Ниигата. Встреча с президентом Центрального банка Ниигата, затем побывали на небольшой швейной фабрике. Свезили нас в г. Госэн на трикотажную фабрику, где “заставили” выбрать по кофточке женам. Вечером ужин в баре, а затем баня”. И т.д. Как после таких визитов не порадеть на благо Японии.

Я не называю здесь имен ни японоведов, ни других ученых из политико-академического комплекса по одной причине: я не уверен, что они сами понимают, что они куплены. Им, не исключая, кажется, что их здесь печатают и приглашают за их вклад в науку, в демократизацию страны и т.д. Хотел бы думать, что они не понимают, что им платят за разрушение России. За незнание реальностей этой системы. Правда, мне кажется, они и не захотят этого понять, поскольку такое понимание очень сильно подорвало бы их личное благополучие.

В то же время я не хочу быть понятым таким образом, что ученые-международники или политики все поголовно подкуплены. Я знаю таких, которые, хотя и бывали неоднократно на Западе и подолгу работали здесь, остались верными интересам России и российского народа. Если бы не было таковых, тогда и огород было бы

бесмысленно гордиться. Опирались было бы не на кого. Они есть, и я уверен, что именно неподкупные определяют в конце концов судьбу России.

Олег Арин

Опубликовано: "Правда", 5 декабря 1995 г.